

МАРИЯ СМИРНОВА

ОБЪЕДИНЁННЫЕ ОГНЯМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Смирнова

Объединённые огнями

«Автор»

2026

Смирнова М.

Объединённые огнями / М. Смирнова — «Автор», 2026

Алексей Зайцев: Я умер, но с этого моя история только началась. Преодолев барьер между реальностями, я оказался в междумирье — и очнулся у ивы, мокрый, с меткой на руке и чужими воспоминаниями о гибели Авроры. В первую же ночь я угодил в больницу, увидел огнекрылых бабочек и понял, что моя сестра больше не ведьма. Теперь мне предстоит узнать, какого чёрта за мной увязались бабочки, и понять, как защититься от тьмы, что ждёт меня в месте, где ничего нет. Аврора Снегирёва: Ритуал по перемещению Лёши провалился: шарф стал просто тряпкой, письма исчезли, а связь оборвалась. Всё, что у меня осталось — воспоминания и ведьма по соседству, которая ждёт, пока мои силы пробудятся. Я уже почти сдалась и начала жить дальше: суд над Артёмом, экзамены, конкурс молодых талантов. Но в одну из ночей внутри меня что-то ожило. Теперь мне предстоит стать полноценной ведьмой — и попытаться снова вернуть парня домой. Правда, какую цену за это придётся заплатить?

© Смирнова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Огонь в груди	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мария Смирнова

Объединённые огнями

Пролог

Отчаянно пытался вздохнуть полной грудью, но не выходило. Воздух — холодный, пропитанный влажностью — проникал в лёгкие маленькими порциями. Я чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Грудь горела, рёбра отказывались подчиняться естественному рефлексу, каждый вздох — новая волна боли, но я всё равно заставлял себя дышать.

«Что? Что случилось? Что со мной?»

Сознание прояснилось, но открыть глаза я не смог. Веки были настолько тяжёлыми, что я даже не надеялся найти силы поднять их. Вся моя воля была направлена на одно дело — дыхание. То, что прежде казалось простым и естественным, теперь непостижимый труд.

«Дыши... Что бы ни случилось, просто дыши... Потом разберёмся...»

Ледяной дождь хлестал по лицу, придавливал к земле. Само небо решило втоптать меня в грязь. Привыкнув к новому состоянию, я попытался встать, позвать на помощь, но так и остался лежать на холодной почве, пахнущей весенней травой.

Что-то живое поселилось за пятью вертикальными чёрными полосами, возникшими на запястье левой руки, которое теперь горело огнём, пульсировало. Боль уходила глубже, к венам, к костям, словно под кожу зашили раскалённое добела железо.

«Я умираю? Опять? Вот же...»

...Что-то ледяное падает на лицо, и я раскрываю глаза. Смотрю на небо, покрытое мириадами звёзд. Светила, огромные газовые гиганты, издали равнодушно бросают на меня холодный свет. Они напоминают мне о междумирье, о паутине и дверях, скрываемых за яркими искрами. Всю эту красоту слегка перекрывают ветви ивы, одетые, как в перчатки, в полупрозрачный иней.

«Снова зима? Да что, чёрт возьми, происходит?!»

Звонкий смех привлекает моё внимание. Губы вытягиваются в улыбку. Сам того не желая, начинаю говорить:

— Тебе смешно?

«Нет! НЕТ-НЕТ-НЕТ! Убирайтесь отсюда!»

— Нет... конечно, нет... — отвечает Аврора, глядя на меня серьёзно.

Пытаюсь заставить себя схватить девушку за руку и увести на безопасное расстояние. И на секунду мне кажется, что у меня выходит... Но нет. Я ловлю руками воздух и, вместо того чтобы повторить попытку, неловко вылезая из сугроба на расчищенный участок. Как ни стараюсь, у меня не выходит сопротивляться движениям. Я не могу заставить себя перестать улыбаться!

Аврора непринуждённо смеётся надо мной. Я хочу предупредить её, пытаюсь крикнуть, но моё собственное тело живёт отдельно от сознания. Оно для меня клетка, из которой я могу только наблюдать...

...Боль вернула меня в сознание. Зубы стучали, всё тело дрожало от страшного холода, который изводил меня.

Я заставил себя открыть глаза, посмотреть на фонарь, скрываемый от меня ветвями ивы. Они колыхались, как жуткие чёрные шупальца — точно такие же, что были в междумирье. Там я потерял что-то важное — яркий солнечный свет, защищавший меня от дряни, от скверны, что теперь проникала в тело.

«Встань! Просто встань!»

Но вместо того чтобы встать, я перевернулся на спину. Дождь всё ещё шёл, застилая глаза, но это уже был не ливень. Монотонный звук падающей в пруд воды, шелестящей листвы и ветра усыплял, толкал меня назад во тьму, которой я так сильно сопротивлялся... Я просто хотел спать...

...Снежок пролетает мимо меня.

Я всё ещё сопротивляюсь, но это бесполезно. Смерть уже мчится в мою сторону, и я готов её принять, страшась новой боли, которая ждёт меня впереди.

«Пожалуйста! Пожалуйста, уходи! Уходи! УХОДИ ОТСЮДА!»

Но я себя не слышу. Вместо этого наклоняюсь, чтобы схватить ещё горсть снега. Поднимаюсь и кидаю в сторону Авроры, попадаю в неё. Она смеётся, отряхиваясь, смахивая блестящие снежинки с куртки и шапки...

«Что-то не так... НЕТ!»

Моя девушка, улыбаясь, бросает в меня ещё один снежок. Он попадает в лицо, ослепляет, но я всё равно знаю, что будет дальше. Я уже слышу свист шин. Сердце замирает. Я ощущаю всё точно так же, как и тогда...

— Аври!

Срываюсь с места, знаю, что успею спасти её, но адреналин всё равно ударяет в голову, отключает мысли. Я больше не пытаюсь себя остановить, готовясь к неизбежному.

Что-то хватает меня за горло, отчего поскальзываюсь, падаю, теряя драгоценное время. Чёртов шарф уцепился за ветку ивы, и теперь я не мог из него выпутаться. Голова раскалывается от боли, от удара о замёрзшую землю.

Страшный металлический лязг на секунду оглушает меня. Ветви ивы надо мной сотрясаются, словно живое существо, бьющееся в конвульсиях.

— НЕТ!

Вскакиваю, чтобы впервые увидеть со стороны автомобиль, когда-то прервавший мою жизнь. Капот вмяло в дерево, но чёртовы фары ещё работают, освещая сугробы. Но самое главное... Её там нет! Никого нет! На секунду я успокаиваюсь, вдыхаю полной грудью, а потом оборачиваюсь и вижу Аврору, лежащую в метре от места аварии...

...Шок вернул меня к жизни. Я вскрикнул. Слёзы вырвались из глаз, спустившись по виску, смешавшись с дождевой водой. Сомнений больше не было — Аври мертва. Я и правда находился в мире, где не смог её спасти.

Все усилия, что я приложил, чтобы выбраться из чужой реальности, оказались потрачены впустую. Два месяца жизни в чужой шкуре: родители, считавшие меня отбившимся от рук; мой лучший друг Кирилл, готовый разорвать меня просто за то, что я поговорил с его девушкой по домофону; и Аврора, которая терпеть меня не могла... Всё это я терпел только ради того, чтобы найти способ вернуться домой! Но оказался здесь!

Да, ещё и какая-то дрянь ранила меня. Сил бороться не оставалось, я готов был сгинуть, замёрзнуть под деревом...

...Аврора лежит неподвижно, с уголков глаз спускаются слёзы. Она не кричит, не зовёт на помощь, просто лежит на спине, уставившись в небо. Белый пар от горячего дыхания девушки поднимается в воздух. Я подбегаю к ней, но так и не рискую даже просто взять за руку. Она кажется мне хрустальной куклой, которая может рассыпаться от любого прикосновения.

— Лёша?... Это ты?... Я... я ничего не вижу, — почти шёпотом говорит она, всматриваясь в пустоту.

Хочу сказать что-то утешающее, но голос дрожит, а слова никак не собираются в предложения. Я напуган количеством крови, которая топит снег, впитывается в куртку девушки, пачкает её волосы. Рана на голове... Не просто рана, страшная травма, которая может оказаться смертельной. Не решаюсь поднимать Аври — я не медработник.

— Аври... я рядом. Всё... всё будет хорошо.

Стараюсь, чтобы мой голос звучал уверенно, даже когда сам считаю сказанное враньём. Слышу чей-то крик в отдалении, но он мне не важен. Я весь сосредоточен только на девушке, лежащей рядом со мной.

Дрожащими руками пытаюсь найти свой телефон, но его просто нет в куртке — он остался где-то в рюкзаке, затерянном в снегу в этом бедламе.

Не замечаю, как рядом оказывается Алина. Она срывается, пытается схватить Аврору, но я не даю даже прикоснуться к ней.

— Ты придурок?! Отойди!

— Нельзя её трогать! А если у неё позвоночник сломан?! Где твой телефон?!

Словно ошпаренная кипятком, Лина достаёт смартфон и сразу же начинает звонить. Голос её срывается, девушка напугана не меньше меня, но её хватает на действия. Пока Лина занимается вызовом спасательных служб, я пытаюсь вспомнить всё, что знаю об оказании первой помощи: обрывки каких-то фраз учителя по ОБЖ, рекомендации в статьях в интернете, книжные сцены, всё калейдоскопом крутится в голове, путает меня, и я не сразу выхожу из ступора.

Первым делом нахожу кусок чистой ткани, прикладываю к ране, фиксирую. Кровь продолжает идти, но её становится меньше. Аврора дрожит, пытается встать, но я не позволяю ей. Снимаю куртку и укутываю.

— Я... я не хочу умирать... Мне страшно... Мне очень страшно, — проговаривает девушка.

Её сотрясает дрожь, и я понимаю, что просто не могу ей больше ничем помочь, не могу утешить, не могу соврать. Ком в горле не даёт ни дышать, ни говорить. Всё, что я делаю — пустое, бесполезное! Моих сил недостаточно! Мои слова не могут снять боль! А я могу только наблюдать, как дорогая мне девушка погибает. И от этого меня самого начинает трясти.

Рядом оказывается Кирилл. Он тоже снимает с себя куртку, закрывает ноги подруги. Что-то говорит мне, но я не слышу. Срывается, уходит куда-то, оставляя меня и Аврору наедине. Я в замешательстве, оглядываюсь в надежде найти кого-то, кто подскажет, что делать дальше и как всё исправить.

Аврора всё ещё плачет. Осторожно беру её за руку, стараясь успокоить. Но слов у меня просто нет, поэтому тихо пою, чтобы отвлечь от боли, помочь вытерпеть мучительное ожидание. Мой голос дрожит, но это единственное, что я могу сделать для любимой. Я стараюсь не думать, что будет дальше, не представлять последствия, тяжёлую реабилитацию, которые ожидают Аврору.

Самое главное, чтобы она выжила! Остальное не имеет никакого значения!

Я полностью забываю, что прибыл из иного мира. И колыбельная, которой я успокаиваю умирающую девушку, становится для меня всем миром. Аври больше не пытается со мной заговорить. Она сжимает мою руку, уставившись слепыми глазами в бескрайнее небо. И время замирает, растягивается, как жвачка, становится самой изощрённой пыткой...

...Снова открыл глаза. Тело онемело, окончательно ослабло, зато дрожь почти полностью ушла. Я понимал, что если не встану, то могу снова отключиться... снова оказаться рядом с погибающей Авророй.

Логика подсказывала, что надо подниматься из грязи, идти домой, пока не стало слишком поздно, но я не хотел ей подчиняться. Я не хотел ничего делать. Я для этого слишком устал. Сил не было даже на реакцию от полученных воспоминаний, на банальную истерику, хотя внутренний мир был перевёрнут, истерзан.

Разочарование, отчаяние, гнев от неудачи — всё заставляло послать к чёрту любую здравую мысль и просто закрыть глаза, чтобы провалиться во тьму.

«И что? Сдашься? Это же просто другой мир! Фальшивка! Аврора жива, и ты сам это знаешь! Ты и так потерял много времени! Вставай!»

От этих простых мыслей общее моё самочувствие улучшилось. Я впервые смог нормально вздохнуть. Что бы со мной ни случилось, боль стихла, а я постепенно начинал обрабатывать, отгоняя от себя жуткие видения, которые чуть не столкнули меня в пропасть. В ушах всё ещё звучала колыбельная, напеваемая мной в ужасную новогоднюю ночь, но я старался забыть её. Через боль в мышцах, через «не хочу!», через желание бросить всё и сгинуть я заставил себя встать.

Тело совершенно мне не подчинялось. Едва я оказался на ногах, как меня обратно потянуло к земле. Нестерпимый холод от тяжёлой мокрой ледяной одежды, от влаги, от низкой температуры, из-за которой шёл пар изо рта, стал изощрённой пыткой. Даже я не смог найти в этом хоть что-то позитивное. Я лишь старался найти силы не упасть обратно в грязь.

Вспомнил свою первую ночь в другой реальности, когда я проснулся пьяным под ивой. На секунду стало смешно. Улыбаться, кстати, тоже оказалось трудно. Мышцы на лице окончательно задубели, но такое простое родное движение придало сил.

«Неужели просто опять напился?»

Но в этот раз это было что-то иное, опасное. Не просто дезориентация, не просто дрожь, не просто головокружение. Что-то не так было со всем телом, с огнём в груди, с сознанием.

«Саша... Она поможет разобраться. Надо только найти её... Найду, и всё наладится! Всё будет хорошо...» — убеждал я себя, отпугивая негативные мысли.

Сложнее всего было делать первые шаги. Это то же самое, что сойти с карусели и попытаться сразу же пробежать хотя бы пару метров. Я практически сразу упал обратно. В глазах потемнело, меня снова потянуло во тьму, но я воспротивился этому.

«Да возьми ж ты себя в руки!»

Чуть подождав, встал и медленно пошёл. Меня уводило в сторону, в глазах рябило. Я всё ещё слышал свист шин и колыбельную. Хотел попросить помощи, но на улице никого не было. Мог бы, конечно, отправиться к Алине, но я прекрасно понимал, что снова стал чужаком в другом мире, о котором ничего не знал. В памяти слишком хорошо засели воспоминания о моём первом дне в другой реальности. И я просто не мог сходу начать допускать те же ошибки.

«Меньше разговоров, больше информации... Наблюдай, исследуй, запоминай».

Этими простыми постулатами я заставлял свой мозг работать, чтобы снова не провалиться во тьму, в кошмар, в страшные воспоминания. Образ умирающей девушки вновь и вновь возникал перед глазами, как вставка в фильме, как двадцать пятый кадр.

«Что я сделал не так? Где мы ошиблись? Почему я оказался тут? И... если Авроры здесь правда нет, то как мне отсюда выбраться?»

Сам не заметил, как уже стоял напротив домофона. Ключи искать даже не пытался — решил позвонить в домофон. Меня не волновало, что подумают родители. Я нуждался в помощи, как никогда прежде. Воспоминания о смерти отодвинули моего внутреннего «героя» на задний план. Повторять опыт очень не хотелось.

Сигнал сообщил мне, что я могу зайти, но очередное головокружение заставило вцепиться в ручку, чтобы удержаться от падения. В глазах ненадолго потемнело.

Дальше все мои действия были настолько инстинктивными, что я запомнил лишь обрывающиеся фрагменты. Словно я пытался пройти сюжетную онлайн-игру, подключившись к нестабильному интернету.

404

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

...Зашёл в квартиру. С тяжёлой одежды на паркет ручьём потекла грязная вода. Чувствовал себя, как зомби, только что собственноручно отрывший себе путь в мир живых.

— Лёша? Ты почему не в постели? — зевая, проговорил отец, рассматривая меня.

Я честно пытался придумать хоть что-то отдалённо оправдывающее моё нахождение ночью на улице в дождь, но я ровным счётом ничего не знал о новом мире. Помня горький опыт прошлого путешествия, решил промолчать, чтобы потом не пришлось ещё хуже.

Отец стоял и смотрел, как я пытался снять с себя пальто. Я всё никак не мог отыскать на себе замок. Пальцы онемели, не слушались.

— Ты себя хорошо чувствуешь?

— Не особо, — голос был хриплым, почти шёпот.

В груди снова забилося пламя, разгорелось, словно костёр от дуновения ветра. Грудь обожгло изнутри, и перехватило дыхание. На эту вспышку отреагировала и тьма, спрятавшаяся у меня под кожей. Руку свело судорогой, боль перешла в локоть и выше, заставив сжать зубы. Резонанс, возникший в этот момент, начал сводить меня с ума. Голова закружилась...

404

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

...Изображение отсутствует...

— Да не паникуй ты! Сделала, как я сказал?!

— Да... Может... может, у него жар или давление?

— Хватит гадать. Уймись и не мешайся. Сделай горячий чай.

— Чай?!

— Да, обычный чай.

404

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

Резкий горьковатый запах ударил в нос, моментально перезагрузив моё нестабильное сознание. Я раскрыл глаза, увидев отца, склонившегося надо мной.

— Слышишь меня?

— Да, — хрипло сказал я.

— Хорошо. Тебе надо встать, но не резко, потихоньку. Надо снять мокрую одежду. Сможешь?

— Да. Наверное.

404

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

В руках я держал чашку с горячим чаем, от которого шёл лёгкий пар, и всматривался в синий цветочек, изображённый на тонкой ручке. Я сидел в постели, облокотившись о спинку кровати. На мне уже была сухая, чистая одежда, а в придачу и тяжёлое тёплое одеяло. Хотелось спать до безумия, я с трудом удерживал глаза открытыми. И совершенно, абсолютно ничего не понимал.

Как из коридора я оказался в своей спальне? Загадка похлеще

Бермудского треугольника. Сознание никак не могло закрепиться за новое тело, отчего меня снова и снова выбрасывало в пустоту.

«По крайней мере я больше не вижу, как умирает Аврора», — горько усмехнулся.

— Ты опять в астрале. Что с тобой случилось? — спросила Саша.

Услышав её голос, я сразу с надеждой поднял глаза. Девушка сидела рядом на стуле: высокая, худенькая, с мышиным цветом волос, которые были убраны в жиденький хвостик. Она была в круглых очках и чем-то напоминала сову из Винни-Пуха. Всё лицо сестры покрывала россыпь веснушек.

— Ты не стала ведьмой? — брякнул я.

— Что? О чём ты? — взволнованно спросила сестра.

— Я один! Опять.

Наверное, мне не стоило этого говорить вслух, но слова сами сорвались с губ, а следом за ними истеричный смех. Я не вернулся к Авроре, а оказался так далеко от неё, что в этот раз мог застрять в новом мире навсегда. Здесь не было ни одной ведьмы, способной помочь мне открыть дверь между реальностями. Я впервые потерял надежду.

Смех перешёл в истерику, и я окончательно потерял себя в собственных эмоциях, которые долгое время сдерживал. Начиная со дня собственной смерти, я был счастлив всего-навсего один вечер, пока был с Авророй и не помнил, кем являлся на самом деле. И это пугало ещё больше, потому что я хотел помнить себя настоящего, свою жизнь, свою девушку.

Мне не нужны были чужие реальности, магия, волшебные письма без возможности увидеться лицом к лицу с Авророй, дотронуться до неё. Мы были просто подростками, и я очень хотел вернуться в свою простую спокойную жизнь, где глобальными проблемами были экзамены, травля Артёма и моя мать.

Сестра вскочила с места, перехватила у меня чашку с чаем, отложив её на стол, вернулась и обняла.

— Дурак ты, братик! Ты никогда не останешься один. Ясно?! У тебя есть семья, друзья. Мы всегда будем рядом.

«Да, но... вы все не моя семья...» — говорить этого вслух не стал, закусив губу от греха подальше.

404

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

— Врач сказал не давать ему спать! — ворчала мама.

— Я что, по-твоему, волшебница?! Хватит наезжать на меня! — возмутилась Саша.

— Хватит ругаться, я не сплю! А хотелось бы! Может, оставите меня в покое? — проговорил я, почувствовав себя значительно лучше.

— О, замечательно. Ответь мне, Лёш, где тебя носило?! — мама была сильно взволнована, даже напугана.

«Еггг... Загрузка... Загрузка...»

— Инопланетяне... похитили, — последнее слово сказал тише, поняв, что шутка была неуместна.

Саша и мама смотрели на меня так, будто я признался в чём-то непотребном, например, в прогулке голышом по супермаркету. А вот я снова испытал дежавю. Да, такое уже было, определённо, в мой первый день в другой реальности, когда вернулся домой пьяным и попытался сказать правду о себе в одно предложение: «Я умер... Но жив!». В этот раз я решил даже не пытаться объясняться до тех пор, пока не придумаю, как доказать свою правоту.

— Шутишь, значит, жить будешь, — сказал отец, войдя в комнату.

404

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

Никогда прежде не ездил в машине скорой помощи. Меня трясло из стороны в сторону. Рядом сидела молодая девушка в тёмно-синей форме со светоотражающими полосками. Она что-то спрашивала у моей матери, которая была рядом, но звук так и не подключился. Самочувствие было лучше, но меня так и продолжало включать и выключать, словно перегорающую лампочку.

404

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

До боли в глазах белый кабинет, в котором было слегка прохладно и пахло хлоркой. Зрение было, мягко говоря, не в порядке. Я словно смотрел на всё из-за матового стекла. В груди жгло так, словно пламя стало настоящим и стремилось прожечь во мне дыру. Это не был тот луч света, который я заполучил во время танца с Авророй. Пламя было неукротимым, агрессивным.

Оно не грело, оно выжигало меня изнутри.

Боль в руке, которая уже успела мной забыться, вернулась с новой силой.

Огонь и тьма внутри меня снова вступили в конфликт, а я оказался их полем для битвы.

404

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

...Восстановление соединения, пожалуйста, подождите...

...Сервер недоступен, пожалуйста, зайдите позже...

Не знаю, как долго я пролежал в тёмной палате, прежде чем моё сознание полностью прояснилось, но, открыв глаза, я так и не смог больше их закрыть. Я всё смотрел на серый потолок, освещённый светом фонаря с улицы. Красная лампочка мигала на системе пожарной безопасности, гипнотизировала.

Пытался вспомнить, что всё-таки произошло со мной в междумирье. Тьма, что охраняла дверь, была бесформенной, похожей на оживший тёмный песочный вихрь. Именно из-за неё мне так и не удалось дотянуться до нужной мне двери.

Это вводило меня в ещё больший ужас. Путешествие между мирами оказалось не просто риском, а практически безумием, ведь с одной стороны — белый свет, гарантирующий мой покой в мире мёртвых, а с другой — тьма: вечное забвение, холод и мрак, злоба, сущность, состоящая только из боли.

Вытянул руку, взглянув на пять ровных полос, тянущихся по запястью. Они были настолько тёмными, что казалось, будто поглощали любой свет, словно это не шрамы от схватки с мраком, а дыры в реальности. Я был более чем уверен, что это метка, и стоит мне с ней вернуться в междумирье, как тьма закончит начатое и уничтожит меня окончательно.

«Что ж, значит, мне нужно найти способ бороться со тьмой».

Стоило подумать об этом, как в голову влезла ещё одна непрощеная мысль — «Я остался один». И это было абсолютной правдой: Аврора умерла, Саша так и не смогла стать ведьмой.

Любой человек на моём месте давно бы сдался, слетел с катушек и кричал в истерике, а вот я нет. Я просто лежал и смотрел на потолок, готовый к новым испытаниям, закалённый смертью и выживанием в предыдущей реальности.

Я знал, что справлюсь. Мне просто нельзя было сдаваться. Не по канону, что ли. Только вот вернусь ли я домой человеком? Или... я уже перестал им быть?

В метре надо мной из стороны в сторону порхали маленькие огнекрылые бабочки. Они сияли ало-рыжим светом, разгоняя крыльями небольшие вихри, что доходили до меня тёплыми ветерками.

Глава 1

Огонь в груди

Ветер, ледяной, порывистый, сносит в сторону, пока я иду вперёд через тёмные переулки, минуя серые панельные дома, высокие тополя и моргающие уличные фонари.

Знаю маршрут. Ходила этой дорогой сотни раз. Мне не хотелось туда, однако ноги сами несли. Небо, чёрное и низкое, разрывалось вспышками молний. Ледяной дождь заставлял тело дрожать, а сердце биться сильнее. Но я продолжала путь, пока не увидела её – иву.

Дерево склонилось над прудом, как старая горбатая старуха. Опустило часть кос над чёрной водой, а ещё часть над небольшим мемориалом. Красные свечи, выставленные у корней, горят, как сигнальные огни, несмотря на ветер и дождь.

Я знаю, что здесь случилось что-то страшное, непоправимое. Нечто, что изменило меня, мою судьбу. Память выдаёт лишь куски воспоминаний, которые принадлежат не мне, а какой-то другой девушке: светловолосый юноша с обворожительной улыбкой и камерой в руках, звёздное небо, крик кого-то из очень близких людей.

Отталкиваюсь от пугающих образов и подхожу ближе. Ветки тянутся ко мне, ложатся на плечи, как руки сказочного существа. Они подталкивают меня ближе, чтобы я увидела рану. Трещину, что убивает дерево. Из неё к корням капает золотисто-алая смола. Я тяну руку прикасаюсь.

Что-то тёмное, ледяное, обжигающее поползло по руке. Я пугаюсь, пытаюсь отдернуться, но вязкое нечто держит, не даёт сбежать. Чьи-то руки ложатся мне на плечи, и я слышу шёпот: – Без огня сюда нельзя! Скоро! Уже скоро!

Образы: смола, чёрное нечто, голос за спиной, не отпустили меня, даже когда я уже проснулась и заставила себя сесть. Меня трясло, как заводную игрушку, словно я и правда попала под ледяной дождь. Но на деле всё проще – забыла закрыть окно на ночь, вот и замёрзла.

Кошмарные сны преследовали меня уже давно, со дня, как огонёк в груди потух. Я встала, закрыла глаза, прислушалась к себе – тишина, ни алого пламени, ни согревающих лучей солнца. Всё исчезло бесследно. Я стала простой девочкой: без способностей, без огней и магии, без шанса вернуть погибшего

От последней мысли в том месте, где когда-то жило крошечное пламя, больно кольнуло. Игнис Лёши стал для меня вторым сердцем. А потом его вырвали наживую, в тот день, когда он прыгнул в междумирье и не вернулся из него.

Снова вспомнилась боль. Сначала внутри что-то оборвалось, лопнуло, как перетянутая струна. Потом потухло пламя, а на его месте образовались пустота и холод. А следом даже вспоминать об этом было страшно. Что-то обжигающе-ледяное, страшное, мерзкое заставило каждую клеточку моего тела взвыть.

Саша была рядом. Наложила на мою комнату заклятье, которое заперло нас всех в звукоизолирующий кокон. Не дала Алине с Кириллом выбежать, чтобы позвать на помощь родителей, и помогла мне пережить этот ад, встать с пола, забыть самую страшную часть.

Ведьма прекрасно владела навыками по стиранию памяти. Полезно, если вы только что пережили агонию и не хотите, чтобы она стала причиной ПТСР.

Худшего дня рождения и не придумаешь. Когда я уже могла соображать, видела, как сестра Лёши теряла над собой контроль. Из-за неё вещи в моей комнате начали жить своей жизнью: покрывало и одеяло решили, что они парочка влюбленных скатов, и отправились к потолку, тетрадки с книжками возомнили себя птичками, а стулья – живыми скакунами.

Алина завизжала, забралась в шкаф, посчитав, что это единственное безопасное место. Кирилл поправил очки, чтобы не улетели следом за ручками и карандашами, и попытался убедить свою девушку не прятаться там, где слишком много острых предметов: вешалок.

Пострадать никто не успел. Саша пришла в себя, хлопнула в ладоши, и все вещи вернулись на свои места. Только Алина ещё какое-то время как-то чересчур подозрительно смотрела на стул.

– Что это значит? Что случилось? – спросила она, повысив голос.

– Драконы Драконы Драконы Я я не знаю. Это плохо.

– Мы же уже ре-решили, что Лёше может пона-понадобиться время, пре-прежде, чем он смо-сможет с нами свя-свя-свя

– Кирилл, заткнись! Все поняли, что ты хотел сказать, – проговорила Алина, а после легонько ударила себя по губам. – Ой, прости Это было слишком грубо, да?

Видела, что подруга была не в себе. Слишком много событий за десять минут. Даже для неё это перебор.

– Лёша попал в беду. Эта боль не могла взяться на пустом месте. Что-то случилось. Что-то точно случилось, – расхаживая из стороны в сторону, проговорила Саша. – Но он точно жив, я уверена. Может, ранен, может, не в себе, но жив.

– Почему ты так уверена? – удивилась я.

– Солнце, ты почувствовала боль, но осталась жива. Связь оборвалась не сразу. Если бы он снова умер, это случилось бы и с тобой, – побледнев, сказала ведьма. – Надо его искать. Срочно.

– Если если он жив, то это же ведь хорошо, так? Мы сможем ему помочь! Мы сможем ведь? – спросила Алина. – Конечно сможем! А ну-ка собрались все. Мы же знали, что не будет легко!

– Линочка, есть места, где оказаться гораздо хуже, чем просто умереть.

– Говоришь как бёртоновский персонаж. Давайте тогда ручки сложим и будем горевать?! Хватит! Я уже наплакалась на похоронах. Он жив?

– Скорее всего да.

– Значит, подруга, сопли подотри. Будем вытаскивать его из ада. Пусть только потерпит, продержится там. Письмо. Мы же можем отправить письмо!

– Нет, не стоит, – резко сказала сестра Лёши. – Магия перестала работать. Шарф потерял свои свойства, а бумага теперь просто бумага. Если мы напишем письмо и отправим его старым методом, оно просто окажется у моей матери. А ей и так очень больно. Она только начала учиться жить дальше.

– Я напишу в тетрадку. Если магия ещё работает, то мы получим ответ.

– Попытка не пытка. Только не отправляй через дверь, хорошо? Родителям очень нелегко.

– Ты помирилась с ними? – спросила я.

– Да Я от них к тебе пришла. Мать часто остаётся дома одна, пока отец в ночную выходит на работу. Они держатся, но по-своему. Я решила, что нужно приходить к ним почаще, иногда ночевать, чтобы мама не оставалась одна на долгое время. Да и кототерапия никому не повредит.

– Кототерапия? – оживилась Алина. – У тебя есть кот?

– Фамильяр Чур.

– Офигеть! Я хочу с ним познакомиться, – улыбнувшись, проговорила девушка.

Но я видела, что улыбка эта была вымученная. Лина была напугана не меньше, чем я или Саша. Просто свою боль всегда переживала по-своему: молча, за закрытыми дверями, в минуты, когда никто не мог видеть её слёз. Даже меня в своё сердце подруга пропускала только тогда, когда я сама долго и настойчиво стучалась.

Из воспоминаний меня вырвал звонок, а точнее будильник. Пора было собираться в школу. Я подошла к календарю, отметила «5 мая» крестиком. «Ещё один день без тебя. Где же ты?»

Внутри всё сжалось. Уже десятого числа был очередной пробник по русскому языку. Конечно, я переживала, хотя и была уверена, что готова к экзаменам. Учёба в последние два месяца стала для меня спасательным кругом. Пока решаешь тесты и пишешь сочинения, просто нет времени на личную жизнь и размышления о травмах. Но вот Лёша запросто мог отстать от программы, а значит, не сдать ЕГЭ и, возможно, даже остаться на второй год.

А ведь он так старался исправить свои оценки.

«Всё, хватит об этом думать. Это мелочи», – убеждала я себя.

Мама готовила завтрак: блины с творогом и мясом. Почувствовала ещё из своей комнаты. Желудок сжался от голода, но я не хотела есть за общим столом – убежала в коридор ещё до того, как родители могли бы меня заметить.

– Милая, а завтрак?

– Нет, мам! Я не голодна.

– Вернись! Завтрак – главный приём пищи. Пожалуйста, съешь хоть что-нибудь?

Не было желания снова молча смотреть на маму и думать: смогу ли я когда-нибудь спросить её о магии или нет. Не могла я просто взять и родиться ведьмой. Силы – наследственная черта, как цвет волос или родимые пятна. А это означало, что кто-то из родителей точно должен был знать о тонком мире. Но почему тогда меня никто не предупредил? Да и не похожи отец с матерью на людей, знающих о магии. Либо они хотели, чтобы я никогда не переняла эту черту, либо я была, как и Лёша, приёмной, но не знала об этом. В духе нашего «розового домика»: не говори, чтобы не расстроить.

И чему я удивлялась? Даже когда мой хомячок Бублик ушёл на облака, я об этом не узнала. Они просто подменили его на другого, но я быстро распознала самозванца. Утрату перенесла в одиночестве, закрывшись в своей комнате. А нового хомячка подарила Лине: не потому, что он был плохой, просто я больше не хотела переживать смерть того, о ком заботилась. С тех пор домашних питомцев у меня не было.

Кстати, о питомцах. Стоило мне выйти из квартиры, как ко мне тут же подбежал огромный белый пушистый кот и начал нагло тереться об ноги, оставляя на тёмных брюках светлую шерсть.

– Чур, иди домой! – сказала я, отряхиваясь. – Что ты вообще тут делаешь? Где твоя хозяйка?

Кот слегка склонил голову и мяукнул. Потом, гордо задрав хвост, медленно отправился на выход из подъезда. У самой двери обернулся, посмотрев на меня изумрудными глазами.

– Так и сказал бы, что гулять хочешь, – проговорила я, выпуская кота на улицу.

Фамильяр неторопливо встал, поднял морду и посмотрел на меня, как на свою верную слугу.

– Ваше величество, может быть, соизволите уже решиться?

Царской походкой Чур вышел на улицу, не забыв ещё раз напоследок пройтись по моим тёмным брюкам своим белым хвостом, напоминающим пипидастр.

– Я пожалуюсь на тебя Саше! – проворчала я, ладонью стряхивая следы нежности кота. – Ты ведь специально это сделал, да?

– Кто такой Саша? – поинтересовался Никита, слегка напугав меня.

Последнее время он частенько встречал меня утром у подъезда. Долгое время я противилась этому ритуалу, но нам нужно было время, чтобы обсуждать общую борьбу с Артёмом. Утренний совместный поход в школу оказался отличным решением. Эта маленькая война против травли в классе сдружила нас.

Обычно Никита был очень тихим: самый незаметный в классе, не отличник, но хорошо учился. Ничего примечательного. А когда мы начали общаться, парень раскрылся для меня совершенно с другой стороны: он очень лёгкий в общении, с удивительным складом ума и бурной фантазией, что в кубе делало из него пока ещё несостоявшегося писателя.

Если у меня не было настроения, одноклассник просто шёл молча. Эта тишина нас не напрягала, не создавала неловкости. Нам обоим было комфортно. В другие дни он же мог оживлённо рассказывать о летающих на собственных ушах собаках.

Мой новый друг стоял рядом, смотря на меня сверху вниз, пока я отряхивалась. Его рыжие непослушные волосы на майском солнце казались ярче, чем обычно. Синяки уже почти полностью сошли, но до сих пор уродовали веснушчатое лицо, озарённое лёгкой улыбкой: не обворожительной, но милой. Дождавшись, пока я разогнусь, протянул мне один из двух бумажных стаканчиков. Запах горячего шоколада и ванили напомнил мне, что я пропустила завтрак.

– Не «такой», а «такая», – поправила я, приняв стаканчик. – Сестра Лёши. А это существо – её наглый кот.

Чур, поняв, что речь о нём, громко мяукнул. А после этого как-то странно, с осуждением посмотрел на Никиту.

– Не знал, что у него была сестра, – тихо проговорил парень. – Столько раз был у него в гостях. Никогда её не видел и не слышал о ней. Странно, да?

– Не знала, что вы так близко общались, – удивилась я.

– Не близко и до того, как вы начали встречаться. Нас Артём познакомил. Я удивился, потому что обычно его дружки не отличались умом.

– Зачем ты сам дружил с Артёмом так долго? – спросила я, когда мы пошли в сторону школы.

Чур увязался с нами.

– Трудно поверить, но он не всегда был таким. Я просто надеялся, что мой друг станет прежним.

– О чём ты? – осторожно спросила я.

Никита вцепился в стаканчик обеими руками. Некоторое время изучал его, не поднимая взгляда. В этом мы были похожи: не любили смотреть в глаза, не всегда отвечали на неудобные вопросы, замыкались на простых вещах. Наверное, так происходит со всеми, кто переживал травлю от сверстников.

– Я не хочу его оправдывать. Но Мы ведь дружили с первого класса. Там нас обоих задирали. Меня за дружбу с ним, а его Он был из неблагополучной семьи: отчим и мать пили, ругались, бывали драки. Пару раз ночью Артём сбегал и ночевал у меня. Дурацкое было время. А потом всё изменилось. Вообще всё: отчим умер от горячки, а мать открыла своё дело и разбогатела. Мы вместе перевелись в другую школу и всё. Он просто перестал быть собой. Мистика какая-то.

На этой фразе Никита споткнулся и улетел вперёд. Я резко ухватила его за локоть. Часть шоколада из его стаканчика пролилась на асфальт.

Послышалось яростное шипение. Наглый кот вцепился в штанину друга и начал безжалостно драть её когтями.

– Отпусти! За что?! – крикнул он, пытаясь стряхнуть с себя обезумевшее животное.

Я схватила кота, подняла на руки. Меня он не тронул, лишь громко зарычал в сторону Никиты.

– Чем я тебя обидел?

Чур оскалился, сложил уши и продемонстрировал пять острых когтей на правой лапе. Шерсть встала дыбом.

– Хватит. Нападёшь ещё раз – хвост оборву, – проговорила я шёпотом.

Кот один раз укоризненно рыкнул, но больше агрессии не проявлял. Я отпустила его на землю. Фамильяр так и шёл за нами хвостиком до самой школы, не переставая смотреть на Никиту, как на человека, который лично посягнул на его территорию и съел его еду.

– Странный кот, – проговорил мой друг перед тем, как мы зашли в школу.

– Ты иди, а я тебя догоню, хорошо?

– Окей.

– Иди сюда, – сказала я пушистому преследователю, сев на корточки. Некоторое время фамильяр просто меня игнорировал, потом подошёл, но не позволил себя погладить. Вместо этого прошагал чуть в сторону и посмотрел на меня, как на предательницу.

– Думаешь, что я забыла о Лёше?

Чур громко мяукнул.

– Нет, не забыла. И никогда не забуду. И вытащу его из любого мира. Никита мне просто друг. Я никого не собираюсь предавать. Скажи мне только, чудище ты маленькое, откуда ты о Лёше вообще знаешь? Сестра сказала? Или ты видишь гораздо больше, чем мы все?

Кот не ответил, но подошёл ко мне, громко замурчал, упёрся лбом в ладонь, вынудив себя погладить, а после этого упал на спину и начал играть с моими руками, мягко касаясь их лапками.

– С радостью с тобой поиграла бы, но мне надо учиться. Иди домой.

Я встала, зашла в школу, выглянула через окно в двери, но уже никого не увидела. Кот исчез.

Когда учёба закончилась, Никита решил меня проводить. Я не сопротивлялась. Для нас это уже было нормой. Мы часто обсуждали Артёма, пока вместе шли до дома.

Впереди суд и нам обоим просто необходимо было выговориться. За прошедшее время мы проделали большую работу: нашли свидетелей – бывших участников «подписки на дружбу», уговорили их дать показания, переступили через себя и рассказали свои истории, чем вдохновили учеников, которые раньше молчали. Вокруг нас стали собираться другие пострадавшие от травли, стремившиеся дать отпор обидчикам. Подробности того, что творили Артём и его дружки, всплывали одна за другой, как снежный ком.

Такая откровенность среди школьников вызвала общественный резонанс, а за ним и серьёзные кадровые перемены: первой по своему желанию уволилась Тётя-Бульдог, а за ней наш классный руководитель – её заменила учительница по физике, которая тут же начала грузить меня и Никиту дополнительными заданиями. Якобы мы отставали от программы из-за нашей «бессмысленной войны», но нас это не остановило. Артёма всё-равно увезли за решётку, а нам осталось ждать только дня суда и выпускного.

Мы уже практически дошли до моего подъезда, и Никита замедлил шаг, взял меня за руку, и это было странно. Я отдёрнула ладонь, посмотрев в тёмные глаза своего друга. Он замялся, снял очки, которые обычно редко носил вне учёбы, и сказал:

– Аврора, надо поговорить Я знаю, что эта тема тебе может быть неприятна, но тебе нужно жить дальше.

– О чём ты? – удивилась я.

– О Лёше.

– Не хочу

– Я знаю, что не хочешь о нём говорить. Но ты его не отпустила, а он умер. Понимаешь?

Злость вскипела, и на долю секунды пламя внутри меня снова как будто ненадолго вспыхнуло, больно кольнув. Я прислушалась к себе – показалось. Парень передо мной сильно нервничал: тёр ладони, смотрел в пол, хотя явно пытался понять мою реакцию. Но мне всё равно хотелось его ударить за то, что посмел говорить об этом со мной.

– Я знаю, что он мёртв! Не надо мне напоминать, – отрезала я.

– Солнышко, привет!

Голос заставил меня обернуться. У подъезда в сером полукожаном пальто стояла Саша. Её рыжие локоны горели, как пламя, и даже светились в лучах слабого весеннего солнца. Так бывает только у существ тонкого мира. Она смотрела на меня с улыбкой, но за ней я видела явное намерение поговорить со мной о чём-то малоприятном. Рядом с ведьмой с царственным видом сидел Чур, посматривая то на хозяйку, то на меня.

«Разболтал, значит, шпион хвостатый».

– Привет, сейчас подойду, – с улыбкой крикнула соседке.

Она смотрела на нас с неприкрытым любопытством.

– Это и есть Саша? – спросил Никита громче, чем требовалось.

– Ага, до завтра. Мне правда пора.

– До скорого, – тяжело вздохнув, сказал парень.

Не стала оборачиваться. Обида от начатого разговора обожгла. Я знаю, что несправедливо обвинять Никиту в попытке помочь мне жить дальше. Он ведь не знал всей правды: про другую реальность, междумирье, огни. Одноклассник был просто человеком, но мне всё равно было больно. Он говорил о смерти Лёши слишком легко, будто это просто факт, который нужно принять и идти дальше.

– Новые друзья, Аврора? – спросила Саша.

– Специально меня караулила? И кота шпионить подослала?

– Чур тебя оберегал.

– И напал на Никиту.

– Не будь к нему строга. Он всего-навсего кот.

– Не кот, а машина для убийства, – съязвила я. – Так зачем тебе я? Из-за Никиты? Мы просто друзья.

– Я не Лёша, чтобы ты передо мной оправдывалась. Он, конечно, мой брат, но его отношения – не моё дело. Да и Никита частично прав.

Хотела возразить, но Саша не дала.

– Частично! Лёша погиб. Мы не знаем, в какой он реальности, возможно ли его вернуть в нашу и насколько сильно он к этому времени изменится. Пройти может много времени: месяц, год, десятилетия. Любовь прекрасна, но она не должна разрушать.

– Я даже обсуждать это с тобой не буду. Ты пессимистка.

– Хорошо, если это так, – вздохнув, сказала Саша. – У меня к тебе только одна просьба, солнышко! Если всё-таки не выдержишь, если вдруг придёт время расстаться, пусть это будет по-человечески, хорошо? Лёшка и так настрадался. Хватит с него.

– Я не собираюсь его бросать! – крикнула я девушке в лицо. – Я его люблю!

– Только мы не знаем, где он. Но не об этом я хотела с тобой поговорить. Аврора, ты же знаешь, что Чур не просто кот?

– Да, фамилляр. И ты его отправила шпионить за мной.

– Нет, не отправляла. Он сам увязался.

– Зачем ему это?

– Назовём всё своими именами, хорошо? Мы с тобой волшебные создания, и внутри нас живут игнисы. Они дают нам силу. А фамилляры – это игнисы без тела. Они обретают форму, сознание, свой характер, превращаются в животных, но не могут жить долго вдали от источника магии. Рядом с ведьмой они получают энергию и чувствуют себя в безопасности.

– Я не понимаю, к чему эти уроки? Решила опять нагрузить меня?

– Чур пристал к тебе, потому что огонь внутри тебя готов проснуться. Он это почувствовал, был голоден, вот и увязался за тобой. И я переживаю, что твоя сила может быть нестабильна. Это не очень хорошо. Я бы даже сказала, опасно.

– Огонь потух, он мёртв. Может, я и была когда-то ведьмой, но очень недолго.

– Игнис не может просто взять и потухнуть без причины. Ты отдала слишком много, надорвалась. То, что ты сделала, это как пробежать марафон без подготовки. Тебе нужно было время, чтобы восстановиться. Оно прошло.

Скоро сила снова вернётся.

– Я не чувствую ничего. Чур ошибся. Услышав это, кот показательно встал и сел ко мне спиной, осторожно уложив свой хвост.

– Так бывает. Хочешь повторения истории с отбором?

– Я просто упала в обморок от волнения, – проговорила я. Внутри опять кольнуло, где-то в груди, ближе к сердцу. Нет, не огонь, что-то другое. Саша ударила по больному. Отбор проходил через неделю после моего дня рождения. Переживания об утрате связи с Лёшей были острыми, мучительными. Я никак не могла сосредоточиться на музыке, но это ведь моё будущее, так ведь?

На сцену я вышла, взяла флейту, ту самую, которую он мне подарил перед тем, как умереть, и заиграла. Всё было нормально, я, как и всегда, была сосредоточена, а потом вспомнила, как Лёша дурачился, когда мы вместе играли «Балладу о влюблённых драконах» для Лины и Кирилла, и в горле встал ком. Играла через силу, через слёзы, которые душили, рвались наружу.

Я поняла, что могу никогда больше не увидеть лицо с его обворожительной улыбкой, не услышать дурацких шуток, не почувствовать терпкий запах кофе с корицей, который он покупал каждое утро в супермаркете. Ненавидела Лёшу за этот кофе. Запах корицы всегда меня раздражал, а теперь я была готова отдать всё, чтобы просто увидеть его утром у подъезда, с той же камерой, которую он не выпускал из рук, с тем же отвратительным напитком.

Эмоции переполняли меня, не находили выхода. Я просто продолжала играть, не обращая внимания на боль, на отчаяние, на тоску. Золотые полосы скользнули с рук к потолку, но увидела их только я. В груди на секунду, всего на секунду вновь зажёгся огонёк, не Лёшин, мой, напоминающий маленькое солнце.

В глазах потемнело. Искры посыпались в разные стороны, разбиваясь друг о друга, превращаясь в ряды тонких посеребрённых нитей. Они заполнили собой всё. И я не поняла, как оказалась во тьме. Впереди стояла девушка с фонарём. Мне не удалось разглядеть её лица, оно было скрыто за ярким белым огнём, спрятанным в кованой клетке. Незнакомка что-то хотела сказать, но я её не слышала.

– Аврора! Аврора, ты меня слышишь? Драконы, да где ты летаешь? – теряя терпение, спросила Саша.

– А?

– Ты меня не слушала, да? Тебе нельзя сегодня оставаться дома одной. Отпросись с ночёвкой к Алине, а сама приходи ко мне. Если игнис очнётся, то

– Саш, я очень устала. У меня ещё уроки, репетиции, к экзаменам надо готовиться. Нет, я не могу, – проговорила, обойдя ведьму стороной.

– Почему ты такая упрямая? Держи телефон поблизости! И звони мне, если почувствуешь что-то.

– Хорошо.

– Я буду у родителей. Можешь прийти к нам вечером. У меня дурное предчувствие.

– Пожалуй, откажусь. Пока, Саш!

– Упрямая. До вечера, солнышко!

– Не называй меня так! – крикнула уже из подъезда, но ответа не услышала.

Ужинала в тишине, у себя в комнате, читая заданную на следующую неделю литературу. Голова раскалывалась то ли от перенасыщенности дня, то ли уже просто от усталости. Хотелось выкинуть учебники в помойку, притвориться психбольной и отправиться в домик с жёлтыми стенами, чтобы не чувствовать этого напряжения.

Учителя, к слову, очень поддерживали. Каждый день от классного руководителя я слышала одно и то же: «Вся ваша жизнь зависит от баллов, которые вы получите на ЕГЭ», «Если не сдадите, сломаете себе жизнь», «Школа – только начало. Это ваше самое лучшее время в жизни».

«Самое лучшее время, чтобы пережить утрату, стресс и получить пожизненный нервный тик. Треснуть бы ей учебником по обществознанию по лбу и стереть память, чтобы потом снова треснуть».

Усмехнулась, потому что шутка явно была не в моём стиле. Так скорее мог сказать Лёша. Невольно коснулась груди, пытаясь снова нащупать его яркий огонь, не поддающийся никаким приказам, но нет. Пусто. Холод и пустота.

Учитель была не виновата в своей жестокости. Ей нужно, чтобы мы справились, поступили и заняли хорошее место в жизни. Решив, что размышлений на сегодня с меня хватит, подошла к окну и распахнула его, впуслав в комнату влажный и холодный воздух, от которого тут же побежали мурашки по коже. Днём было тепло, даже местами жарко. Можно было ходить в рубашке с пиджаком, а сейчас хотелось только спрятаться от той тьмы, что собиралась на улице, от ледяного дождя, бьющего по стеклу, собирающегося каплями на подоконнике.

– Ну и мерзость, – сделала я вывод, оставив лишь небольшую щель, чтобы свежий воздух разогнал духоту.

Легла, надев наушники, и включила музыку. Отключилась от этого мира.

Рок – почти классика, если, конечно, исключить некоторые его особенности. Он сводит в себе голоса разных инструментов: от высоких напевов скрипок до brutальных басов гитары. Точно такой же контраст создают солисты: от нежных и звонких сопрано, которые в кульминации могут сорваться в экстрим, до грубых баритонов, затихающих до бархатного шёпота. К этому сочетанию я всегда была неравнодушна. Мой маленький музыкальный бунт, о котором знали лишь самые близкие: Алина, Кирилл и Лёша.

«Когда-нибудь научусь играть на гитаре Хотя родители не позволят. Якобы не для девочки».

Тело расслабилось, мысли начали ускользать. Всплыли воспоминания с летнего фестиваля с прошлого года, где я была счастлива, рядом с друзьями и своим парнем, даже не подозревая о скорой гибели Лёши, магии и других реальностях.

Сон наступил быстро, вернув меня к иве, к дождю, к всполохам зарниц, холоду, от которого стучали зубы, ране на коре ивы, к холодной руке, тронувшей меня за плечо. Кто-то громко крикнул моё имя, и я вскочила. От ужаса, пережитого во сне, я долго не могла понять, что нахожусь уже в своей комнате. Дождь стучал по окну, наводя на ужас, холод сковывал, сердце стучало так, что трудно было дышать.

Я практически не помнила ничего из сна, только иву и чужую руку на своём плече, а после крик. Не могла до конца понять, что именно меня напугало, но это было уже не так важно. В груди что-то вспыхнуло, как костёр, начало гореть, отдавая болью во всём теле. Сжала зубы, чтобы не закричать. Первая волна прошла быстро, но это было только началом.

В прежде тёмной комнате словно включили ночник. Тёплый свет пополз по стенам, книжной полке, рабочему столу. Тени стали удлиняться. Не могла понять, откуда был источник света, пока не взглянула на свои руки. От ладоней до плеч под кожей золотисто-зелёным подсвечивались вены и сосуды, словно внутри меня была не кровь, а жидкое солнце.

Следом ещё одна волна, в этот раз сильнее, жарче, яростнее. С пальцев сорвались ярко-алые язычки пламени. Я попыталась их сдуть, но они не слушались – перетекли по коже, не обжигая, а обволакивая, как вторая кожа. Испугалась, что сгорю заживо в своей постели, но огонь, покрывающий меня, на удивление был лишь слегка тёплым и приятным. В местах, где возникали язычки, свет тускнел. Постепенно боль полностью пропала, но я всё ещё светилась, как звёздочка на ёлке, и частично была покрыта огнём.

В ужасе стащила с себя наушники, которые каким-то чудом не загорелись, взяла телефон и написала Саше. Я не хотела связываться с ведьмой, ведь она до жути меня пугала, но сейчас только она могла мне помочь:

«У меня руки светятся и горят. Что делать?»

Ответила быстро, будто ждала, что я напишу:

«Выходи в подъезд. Сможешь?»

Не переодеваясь, как есть, в пижаме с котиками, вышла в коридор, где тут же упала на колени. Третья волна была сильнее. Грудь разрывало от силы двух огней, бушевавших внутри, кожа пылала, я едва могла дышать от духоты. Не помню, как, но заставила себя выйти, повалившись на серый пол.

– Вот дура упрямая! – проговорила Саша, кинув на меня тяжёлый мокрый плед.

От смены температуры перехватило дыхание. Не закричала только потому, что голос пропал полностью. Всё тело оцепенело, но стало легче.

– Сгореть хотела?! Пойдём! Я помогу.

Ведьма была не по-человечески сильной. Она рывком подняла меня с пола, перехватила и помогла зайти в квартиру к её родителям. Сначала пыталась сопротивляться. Мне очень не хотелось к ней, но Саша только сильнее подтолкнула меня в спину, не желая даже слушать.

– Тихо! Мать спит.

Мы пересекли коридор, свернули в до боли знакомую мне комнату. Сердце сжалось, свет внутри меня отреагировал на новую эмоцию очередной волной, от которой ноги перестали держать. Ведьма удержала меня, без церемоний затолкала в комнату, бросила на кровать Лёши. Села рядом со мной и начала водить рукой надо мной, как в дешёвых фэнтези-фильмах.

Некоторое время ничего не происходило, а потом от меня к ней поползли тонкие, как леска, нити, сияющие так ярко, что стало видно каждую деталь тёмной комнаты. При этом глаза ведьмы светились, серая радужка стала цвета расплавленного металла, а волосы покрылись едва заметными язычками пламени.

Когда она закончила, мне стало значительно легче. Кожа перестала так ярко светиться, а жар начал сходить. Но меня всё ещё ломало, как при высокой температуре.

– Это только уберёт симптомы. Тебе надо было попасть ко мне раньше, когда обращение ещё можно было остановить. Теперь придётся потерпеть.

– Обращение? Я я буду как ты?

– Не знаю. Не думай сейчас об этом. От эмоций огни становятся ярче и сильнее.

– Почему Почему их два?

– Один не твой. Ты же знаешь? – с улыбкой проговорила Саша, прикладывая мне ко лбу холодную мокрую примочку, пахнущую какими-то травами. Только тогда я заметила, что рядом с ней было блюдо, в которое она опускала марлю.

– Но но связь оборвалась.

– Пока Лёша был в междумирье, но всё закончилось. Всё хорошо. Алое пламя — это хорошо, – успокаивала она меня, накладывая холодные компрессы на руки, а следом и на ноги, прямо поверх пижамы. – Если бы не они, тебя бы мог уничтожить собственный свет.

– Почему? Что со мной не так?

– Всё с тобой нормально. Ты думаешь, почему я из дома сбежала в шестнадцать лет? Со мной случилось то же самое. Я совершенно себя не контролировала. Поджигала всё, до чего касалась, да и сама с ожогами ходила. Они, конечно, потом зажили. Даже шрамов не осталось, но я не могла оставаться дома. Родители не знали обо мне ничего. Они бы не смогли помочь.

– Где ты была?

– Долгая история: сначала у родной матери, потом обучалась, а дальше устроилась инспектором. Теперь слежу, чтобы магические создания не вредили людям и не пытались рас-

крывать тайну о тонком мире. Всё, тебе надо спать. Я помогу уснуть, но постарайся ни о чём не думать.

Хотела спросить, что значит «поможет уснуть», но она посмотрела на меня своими изменёнными глазами, в которых бушевало пламя, и мои веки сами опустились. Я провалилась в приятную тьму, где не было снов или тяжёлых размышлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.